

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

◆— 5 —◆

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Магическая крепость

◆— 17 —◆

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Империя снега

◆— 59 —◆

Сон первый

Кошмар. Де Чэ. Разрушение

◆— 109 —◆

Сон второй

Кошмар. Син Гуй. Тяжелый

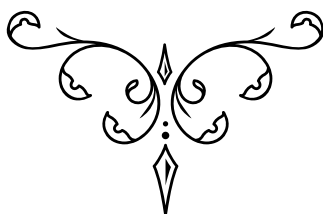
урок

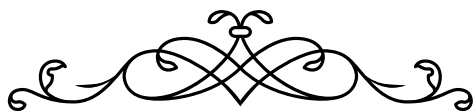
◆— 223 —◆

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Цветение вишни

◆— 239 —◆

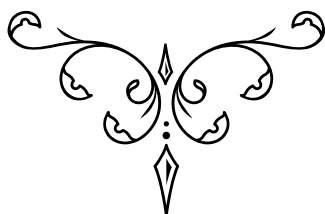
Сон третий
Кошмар. Хуан То. Чувства
◊— 261 —◊

Сон четвертый
Кошмар. Ли Цзин. Тайна
◊— 271 —◊

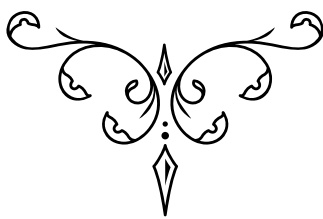
Сон пятый
Кошмар. Цзянь Тун.
Отступление
◊— 277 —◊

Сон шестой
Кошмар. Ли Тяньцзинь.
Прощание
◊— 287 —◊

ЭПИЛОГ
◊— 295 —◊

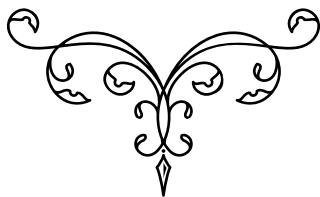

Предисловие

*Ты есть владыка льда,
ты есть снег последних дней.*

Если я сложу все воспоминания, поверну время вспять, возвращу юность, разожгу прошедшие годы в играющие в темноте огоньки, тогда...

Это не ложь, не выдумка... В юности меня действительно посетил такой сон. Я прекрасно знал, что он нереален, но отделаться от ощущений после него никак не получалось.

Итак, я стоял на безлюдном ледяном поле, и огромный ледник, подобно топору, раскалывал надвое голубое небо. В спину мне, не прекращая ни на секунду, дул сильный ветер; он гнал клубы снега к далекой линии горизонта, и ворох снежинок мешал взору, превращая все передо мной в сплошную белизну.

Пространство заполнял резкий свист, бил по ушам и словно в груди, причиняя боль.

На зеркально ледяном поле безмолвно появились серебристые рыцари и укутанные в черные мантии маги; в их глазах, казалось, таился покой всей огромной Вселенной. Я двинулся к ним, приближаясь медленно, шаг за шагом. Мое сердце наполнилось волнением и страхом, и в следующее мгновение я уже сам был их частью.

...Сейчас я уже запомнил, кем именно стал — серебряным рыцарем или же черным магом.

Когда я сел за это предисловие, с момента написания романа минуло уже целых восемь лет. Сколько это? Если взглянуть с точки зрения продолжительности жизни, которая в среднем составляет восемьдесят лет, то это ее целая десятая часть. А если сравнить эти годы со сроком нашей золотой юношеской поры?

Эти восемь лет займут ее всю.

Похоже, что, потихоньку становясь старше, люди начинают так же потихоньку возвращаться мыслями в прошлое, и неважно, о неудачах или победах они, серые или же наполнены красками. Это занятие подобно лакричной конфете — рассасывая ее, ты каждый раз открываешь новый вкус, в сладости проявляется легкая горечь, и ты едва заметно морщишься.

В большинстве своих воспоминаний мы обязательно невежественны и просты, незрелы и импульсивны, поэтому они наполняют наши сердца множеством, множеством сожалений. И все же пусть и совсем немного, но эти воспоминания пробуждают в нас и непонятную зависть, тягу к тем прошлым нам.

Кажется, что двадцатичетырехлетнему человеку, которому вот-вот стукнет двадцать пять, не очень-то и подобает быть чересчур сентиментальным. Во мне накопилось немало смущения и стыда из-за того, что когда-то я изливал на бумагу воспоминания и события из собственной жизни. Возможно, лишь опьяненные юностью люди способны так смело открывать другим свое сердце, хрупкую шершавую наружность или гладкое и холодное нутро, торжественно выставлять напоказ личные чувства и переживания, чтобы найти в сердцах других

людей сочувствие или же вызвать презрительную усмешку. Теперь, когда минуло столько времени, уверенность и самоотверженность моей юности заставляют меня лишь протяжно вздохнуть.

В семнадцать лет я был невозможно отважен.

Нынешний же я похож на обряженного в доспехи медвежонка от PRADA, что люди вешают себе на сумки. Я такой же крепкий, непробиваемый, я интересен людям, но далек от того себя, стоявшего на краю мира.

Вновь просматривая эпилог к «Ледяной фантазии», помимо небольшой склонности к драматизму, я обнаружил, что выразил много искренних чувств, которые нынешний я изложить бы не смог. Сегодня, повзрослев, я уже давно выработал привычку передавать все внутренние переживания через созданных мною героев историй. Это спасает от части критики, потому что все остается в рамках дисклеймера «Данная история является вымыслом».

Я уже долгое время не прикасался к такой без малого исходящей из глубины души вещи, как написание рассказов. С того времени, как в 2003 и 2004 годах вышло два сборника моих рассказов, и вплоть до сегодняшнего дня я больше не осмеливался выпускать никаких текстов, которые включали бы мои внутренние переживания. Я словно выработал антитела, которые остро реагируют на любую потенциальную травму. В такие моменты в голове каждый раз словно срабатывает сигнализация.

В эпилоге упоминается много событий и много друзей из моей жизни; с некоторыми из них, такими как А Лян, мы по-прежнему видимся каждый день, с другими лишь изредка созваниваемся. Все мы постепенно выросли и поменялись за эти восемь лет, обзавелись собственной жизнью, поменяли

круг общения, нашли новую жизненную среду, новую работу, новый смысл жизни. И немногие оборачиваются назад на нас прошлых и на путь, что привел нас туда, где мы сейчас.

Ну вот, кажется, я снова начал о грустном.

Мы постоянно ругаем прошлое. Ругаем за неудачи в учебе и за провалы в отношениях. От написанных мною тогда неопытных текстов и импульсивных поступков сегодня сводит желудок. Поэтому, сев за написание нового предисловия к этому роману, сочиненному восемь лет назад, я понятия не имел, что мне рассказать. Хоть я уже и далек от того литературного новичка, кем был в прошлом, я все еще не знаю, на каком отрезке своего пути нахожусь сейчас. Груз на моих плечах становится все тяжелее и тяжелее, отчего мои действия, словно шаги на заснеженной дороге, оставляют за собой глубокие следы; они, подобно дорожным указателям, маркируют мой путь в далекое будущее.

Конечно, можно возвратиться по этим следам в давно прошедшее время, туда, где небо еще было сизым, а Землю, подобно оберточной бумаге, мягко укутывали белые облака. Тогда вся планета крепко спала сном юности, а за ураганом прятались золотые лучи солнца.

Уже прошла неделя с момента, как я приступил к редакции своего первого романа. Я напоминаю себе старушку, что ремонтирует свое ветхое свадебное платье: мое сердце полно чувств, которые сложно описать, — в нем тонко смешались радость и печаль, и сложно определить, чего же больше. Я вновь исправляю детали; кажется, придирчивость к собственным текстам во мне существовала всегда. Мне сложно продираться сквозь произведения, написанные год, полгода и даже три

месяца назад, что уж говорить о столкновении с собой восьмилетней давности — полным энтузиазма, но все еще новичком в писательском деле.

Мы постоянно обсуждаем, что же важнее: страсть или мастерство.

Однако правильного ответа не существует.

После долгой и снежной шанхайской зимы город медленно начинает оживать.

Серебристый снег сменился серым дождем, и весь Шанхай вновь превратился в укутанный влажным туманом цветущий город. Повсюду сверкают стеклянные снежные шары, и нам остается искать уже давно исчезнувшее ледяное царство лишь в собственном воображении.

В нем правители льда стояли на великой равнине, пока снег оседал на их плечах затяжной печалью. Их любовь и ненависть, тяжелые удары судьбы остались навеки заключены в белом сиянии снега.

Кажется, что целые световые года отделяют меня сейчас от того мира из воспоминаний, созданного когда-то силой воображения и страсти.

Он застыл среди белой межзвездной пыли там, где мне было семнадцать.

Многие из имен героев обрели известность, они стали легендами в жизнях большого количества людей.

Белые волосы и белые глаза героев, их трагичные судьбы обратились пеплом под крики птиц.

Ка Со, Ин Кунши, Ли Ло, Лань Шан... Родившись в голове семнадцатилетнего мальчика, они один за другим стали маленькими легендами нашего мира.